

Стремление к чистому и прекрасному

Этим всегда отличался Эвальд Карлович Риб. И никакие переломы в судьбе, в жизни не меняли сути поэта. Весь творческий поиск Эвальда Карловича выражался именно стремлением к чистому и прекрасному, хотя действительность была часто жестокой, серой, занудной.

Э. Риб, если можно так сказать, из семьи репрессированных народов. С детства — под надзором спецкомендатуры, не имел возможности учиться по-настоящему. И все-таки он не сломился в унижениях, преодолел «препятствия», стал музыкантом, поэтом, прекрасным педагогом. Особенно хороши его произведения,

написанные о детях и для детей. Книжки стихов и рассказов Э. Риб как живые сгустки полевых цветов. Что-то в них выпирает неправильностью, иногда чувствуется — можно улучшить. Но для чего раскрашивать ромашки? И если у лугового горлицы выпал почему-то лепесток — гармония природы и красоты не нарушается.

Вся жизнь и творчество Эвальда Карловича Риб — это камертон, по которому дети, люди могут настраивать свои души и сердца.

Владилен МАШКОВЦЕВ,
член Союза писателей России.
20 сентября 1994 г.

К 160-летию нашего села он нам подарил новую книгу «Анненские лебеди». Читаешь ее, и невольно в тебе просыпаются свежие силы, начинаешь верить, что вместе мы одолеем все трудности, которые мешают нам по-человечески жить и работать.

Ю. ПОЛЕВОВ,
председатель
Анненского сельсовета.

Победные гудки

Анненским ветеранам
Отечественной войны
и труда, всем погибшим

Помню мать...
Небесный зонт...
И пожатие руки...
Увозили мы на фронт
карталинские гудки.
Брали мы с собой кульки,
горько плачущий вокзал...
Все Победные гудки
мы вернули на Урал.

Матери

Как себя ты обделяла
хлебушком в войну,
а остатки мне совала,
проводив ко сну.

Помню, как меня искала
среди гор, полей,
расступались даже скалы
от любви твоей.

Со стены глядишь
сквозь раму,
стоя у дорог...
Без тебя сегодня, мама,
ничего б не смог.

Анненские лебеди

Здесь народ особенный,
каждый в доску свой.
Для кого-то — добренький,
для кого — крутой.

Все на вид спокойные,
не спугнет беда,
прожитыми войнами
улеглись года.

Помнят все березоньки,
помнят небеса,
как горели зореньки,
летние леса.

Горюшка отведали,
победили грусть...
Анненские лебеди
радовали Русь!

Что для чего раскрашивать ромашки?

В День Победы Детям и взрослым военного тыла

Снова в День Победы
весь седой подснежник,
вспоминая беды,
пел нам песни нежно.

Выпрямлялись сосны,
белые березы,
ветерок морозный
осушил им слезы.

И за все, что было,
и за все подарки
ветераны тыла
выпили по чарке.

Небосклон был синим,
птицы голосили...
Никогда Россию
мы не подводили.

Белые ромашки,
синий василек...
В зоревой рубашке
бродит тополек.

Посмотри в оконце,
как цветет земля,
утром в шапке солнца
смотрит на поля.

Березка

Березка милая!
Уральский вечер
глазами звезд
любуется тобой.
Тебе мальчишкой
месяц сел на плечи,
опять резвится,
баловень такой.

Люблю тебя,
что ты в краю колхозном
шумишь по-свойски
ласково листвою.
Люблю за то,
что ты зимой морозной
из новой сказки
вышла предо мной.

Я радуюсь тебе
при каждой встрече,
я так люблю
в тиши мечтать с тобой.
Тебе мальчишкой
вечер сел на плечи,
ну пусть резвится,
баловень такой.

Моя душа,
как русская береза,
зимою тоже зябла на ветру.
Ночами звезды
в лютые морозы
лишь засыпали
на ветрах к утру.
Она весною распустила
листья

в такие бури
солнечных лучей,
что я шагнул
весь в соловьином свисте
в большое завтра
Родины моей...
Но вот опять в глазах
я вижу слезы,
в сердца людские
снега намело.

Моя душа,
как русская береза,
пускай дотла сгорит,
отдав тепло.

Романс

Нонне Николаевне Риб

Лишь тебе,
что чуть капризна,
благодарно поклонюсь,
даже на закате жизни
вновь в любви я объяснюсь.

Огонек неповторимый
у березы лиственной...
Ты одна была любимой
и была единственной.

Ожидание

Жду я, жду
свой день весенний,
жду — одна нужна мне ты,
а России нужен гений —
гений Божьей доброты.

Эвальд РИБ

Мне немножко нужен Сталин,
все удары сатаны,
чтоб при встрече с ними
встали
все преступники страны.

Чтоб большим вора в России
не сходило все с руки...
Пусть вернут все дармовые
с русским золотом мешки.

Жду я, жду
свой день весенний,
жду — одна нужна мне ты,
а России нужен гений
милосердия, мечты.

Вот такой — пойдет на плаху,
за таким — стеной народ...
Улетает в небо птаха,
на земле лежит восход.

Мой край родной

Мой край родной,
где лес одет неброско
и тополям
бывает не до сна,
по вечерам
красавицы-березку
мячом луны
играют допоздна.

Мой край родной,
где в полушалках звездных
глядятся ивы
в зеркало реки,
тропинкой горной
ввысь уходят сосны,
и плещут в ветках
солнца родники.

Мой край родной,
где трубы — не зенитки —
спокойно в небо
мирное глядят...
На трудовом посту
стоит Магнитка,
а Карталы —
недремлющий солдат.

Сосны

Ю. Ф. Полевою

В лесах
при первой встрече
завидовал слегка,
что сосны вдруг на плечи
взвалили облака.
Гляжу: они уносят
куда-то второпях
заплаканную осень
на жилистых руках.

Наша песня

Музыка, мой друг, хранит
и любовь, и гнев.
Вот в подснежнике звенит
голубой напев.

Музыка — в любви к стране,
в грохоте работ,
в самой звездной вышине
пусть она живет.

Нужно делом доказать,
чтоб мы все смогли
доброй ноткой прозвучать
в музыке Земли.

НАСЛЕДИЕ

У ИСТОКОВ

Шестьдесят лет назад, холодным январем 1938 года на взлете оборвалась жизнь талантливого поэта, чье имя сейчас, наверное, известно лишь краеведам. Однако судьба и литературное наследие автора одной единственной книги стихов несомненно заслуживают внимания.

Василий Александрович Макаров был достаточно крупной фигурой в литературной среде города в 30-е годы. Поэт, организатор и вдохновитель первого литературного кружка, а затем литбригады «Буксир», ставшей заметным явлением на Южном Урале, — именно В. Макаров стоял у истоков городского литературного объединения. Приехав в Магнитку в 1930 году, он сплотил вокруг себя начинающих рабочих поэтов и прозаиков, редактировал журнал «Буксир», заведовал кабинетом рабочего автора при редакции газеты «Магнитогорский рабочий», работал редактором городского радио... В 1932 году была издана первая и единственная книга стихов В. Макарова «Огни соревнования».

... Чудовищный процесс по делу магнитогорских литераторов (о котором мы намерены в будущем рассказать читателям) для В. А. Макарова оказался, пожалуй, самым коротким. Арестованный органами НКВД 10 ноября 1937 года по обвинению в контрреволюционной деятельности, он был расстрелян в челябинской тюрьме 10 января 1938 года. Город обязан увековечить память поэта, установить на доме, где проживал В. А. Макаров (по ул. Пионерской, д. 2, кв. 1), мемориальную доску.

Сегодня мы предлагаем читателю стихи, относящиеся к раннему периоду творчества В. Макарова (в Магнитогорске публикуются впервые).

Л. ЛАПТЕВА,
научный сотрудник
музея-квартиры Б. Ручьева.

Василий МАКАРОВ

Я скачу по городам и селам
Молодым влюбленным воробьем.
Присковым кровным зимогором
С кожей, пропитанной углем.

На ладонях у меня мозоли,
На лохмотьях — золотые блески.
Не страшусь своей бродяжьей доли.
Не жалею жестких ног подметки.

Молод я! И слит из крепкой стали.
Радость жизни плещется в крови.
Если б только все вы... знали,
Как таскал я грузные кули.

Как в копях Уральской синей гати,
В царстве чуткой, сизой темноты
Динамитной, студенистой кладью
Рвал я черносливные пласты.

Я рожден скуластым буйным хватом
В стороне золотосных жил.
Жизнь меня встречала пьяным матом
У преддверий дедовских могил.

А теперь я, светлый и пружинный.
На просторе голубых полей
Пью со страстью крепкой и звериной
Глубину и радость наших дней.

Я скачу по городам и селам
Молодым звенящим воробьем.
Присковым кровным зимогором
с загорелым бронзовым лицом!..

Урал

Люблю я свой голубоглазый край!
Тот край, где нет ни роз, ни соловья,
Где лишь в июне расцветает май
Под неумолчный лепет воробья.

Где нет ни яблонь, ни иных деревьев,
Что льют медовый, пьяный аромат,
Где в песнях слышится
совсем иной напев,
А в жизни каждый кладью иной богат.

Зато там есть веселый березняк
И тополей приподнятые плечи,
Далеких гор синейющий костяк
И чуть лиловый, златокрылый вечер.

Там даже солнце жаркое такое,
Там дни огнем немеркнущим горят.
Малиновое, светлое, родное...
Когда же о тебе заговорят?!

Вот край! Где я переступил порог,
Пошел вперед, навстречу новым дням.
Но, как и прежде, я любовь сберег
К кудрявым рощам и родным полям.

Пусть эти дни в глубокий омут канут.
Пусть будет жизнь свободнее
и проще.

Мне и тогда шуметь не перестанут
Мои поля и золотые рощи.
Свердловск, 1925.